

ОТ ПАМЯТИ К ИСТОРИИ

Г.А. Антипов

Новосибирский государственный
университет экономики и управления

dr-eji2@yandex.ru

В статье представлена авторская трактовка вопросов: что такое прошлое; каковы пути его познания; каков статус существования исторической памяти и ее связь с историографией; как возможна историческая наука.

Ключевые слова: прошлое, история, историография, наука, нарратив, мемориальная практика.

Методологические размышления

Выражаясь исключительно метафорически, излагаю в пандан статье Мадхавана К. Палата «История и память»¹. Но если в живописи это картины или портреты, равные по величине, похожие в каком-то отношении и назначенные висеть на стене симметрично, скажем, диптих Дюрера из Музея Прадо, то я имею в виду отношение интерналистского и экстерналистского подходов в интерпретации науки и научного познания. Причем не в стандартном их разведении, когда демаркационной линией становится включение в анализ или исключение из одного внешних (социально-политических, социально-экономических, историко-культурных) детерминант, а по иному основанию.

Антитеза «интернализм – экстернализм» интерпретируется чаще всего как противопоставление собственно знания и его внутренних механизмов социальному фону, событиям и процессам социальной

действительности, «извне» воздействующим на процессы научного познания, так что в центре внимания оказывается вопрос о состоятельности «постулата» об изначальной внеположенности по отношению друг к другу социологического и методологического путей исследования науки. Я же не предполагаю выхода за пределы контекста знания. Но в одном случае речь может идти о формах исключительно исторического знания, интерпретируемого историком-специалистом, находящимся «внутри» познавательной системы, имеющим в виду именно формы исторического познания, непосредственно решаемые им задачи, и гносеологом, методологом науки, для которого историческое знание – лишь частный случай мира знания вообще. Отдавая себе отчет в том, что *omnis comparatio claudicat*, рискнем говорить применительно к первому случаю о «замкнутой» гносеологической системе. Аналогия с кораблем в известном примере Галилея, конечно, очевидна.

Анализируя явления, происходящие на движущемся корабле, Галилей приходит к

¹ Палат Мадхаван К. История и память // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10), т. 1; 2012. – № 1(11), т. 1.

выводу, что никакими опытами, выполненными в закрытой каюте или трюме корабля, невозможно определить, находится ли этот корабль в покое или состоянии равномерного прямолинейного движения: «Уединитесь с кем-либо из друзей в просторное помещение под палубой корабля... движение корабля обще всем находящимся на нем предметам, так же и воздуху», – писал он. Таким образом, по мнению Галилея, невозможность обнаружения движения корабля обусловлена отсутствием движения относительно друг друга предметов, находящихся в каюте, так же как движения относительно этих предметов воздуха, находящегося в каюте. В этом случае каюту или трюм можно назвать закрытой или замкнутой физической системой.

Какое, однако, это имеет отношение к нашему сюжету? Обратимся к статье «История и память». Уже первое, что бросается в глаза, – отсутствие терминологического различия истории как реального социального процесса и истории как той или иной формы репрезентации данного реального процесса, будь то историческая память или историческая наука. «История, – говорит автор, – способствовала созданию памяти, мифа и традиции; и сейчас это, возможно, самый богатый источник благодаря исторической науке, которая существует для того, чтобы построить и узаконить в том числе все остальное»². И далее (я еще коснусь промежуточных звеньев его аргументации), Палат солидаризируется с Жюлем Мишле: «Писать историю – значит ее создавать». Конечно, те формы, в которых человек представляет себе реальный социальный процесс во времени, участником которого он является в то же время, влияют некоторым образом на социальное творче-

² Там же. – С. 56.

ство. Но это влияние и воздействие не следует отождествлять с самим этим творчеством. Подобное отождествление и ведет *volens nolens* к образу каюты на корабле Галилея, к представлению о замкнутом гносеологическом пространстве всего анализа.

В этом смысле очень характерно неожиданное замечание, как бы подводящее итог данному фрагменту аргументации: «Одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе представляется избыточным»³. Действительно, что он Гекубе, что она ему? Зачем же тогда вообще о нем вспоминать, если он выбивается из контекста аргументации.

Напомним Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его»⁴. Тому, кто хорошо знаком с трактатами Гегеля, а кстати, Маркс, очевидно, был в них докой, сразу же становится ясной перекличка с известным рассуждением Гегеля: «Когда философия начинает рисовать своей серой краской по серому, тогда некая форма жизни стала старой, но серым по серому ее омолодить нельзя, можно только понять, сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек»⁵.

Гегель здесь вполне адекватно выразил социальное назначение философии: тематизировать коллизии, разломы человеческого бытия, переводить их в план сознания. Поскольку же ставится задача изменить, преобразовать мир, философская рефлексия, «понимание», должны уступить место знанию механизмов, законов этого мира, каковые продуцирует не философия, а наука. Именно поэтому Маркс, увидев-

³ Там же. – С. 59.

⁴ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 4.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мир книги: Литература, 2007. – С. 44.

ший смысл своей жизни в революционном преобразовании действительности, покидает поприще философии и, опираясь на каноны научной рациональности, обращается к исследованию законов изменения социума. Другое дело, удалось ли ему, и было ли вообще возможным осуществить подобную задачу. Учтем так же, что к середине XIX века наука начинает явственно обнаруживать себя в качестве эффективного средства преобразования вещного природного мира. Ведь именно в это время появляется формула того же Маркса – наука есть производительная сила общества. Но почему бы ей не стать силой преобразования самого общества? Показательно, что «конечной целью» основного сочинения К. Маркса – «Капитала», как он ее сам формулировал, было открытие экономического закона движения современного общества⁶. Итак, *quod erat demonstrandum*, поскольку именно законы, их открытие, являются идеалом научного познания.

Если все это так, то одиннадцатый тезис Маркса о Фейербахе нельзя посчитать «избыточным» в том русле анализа, которым представлена статья «История и память». Упомянутый там Мишле с его: «писать историю – значит ее создавать» под историей понимает существенно иной феномен, нежели Маркс, говоривший: «история не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»⁷, или «мы знаем только одну единственную науку, науку истории»⁸. Маркс имеет в виду и пытается

проектировать историю как форму знания собственно научного типа, образцами для него послужат геология Ч. Лайеля (формация) и эволюционная теория Ч. Дарвина (классовая борьба). Память, ее функционирование остаются за границами марксова анализа. Главный его интерес – механизмы эволюции социумов. Для Мадхавана К. Палата и всей традиции, с которой он явно себя ассоциирует, история – ментальная форма, связанная определенным образом с механизмами функционирования памяти. Принципиально различны, предвзвешенно заметим, траектории генезиса и каналы воздействия той и другой историй на человеческое бытие. Во избежание путаницы термином «история» будем пользоваться лишь применительно к тому типу знания, на который ориентировался, в частности, К. Маркс, во всех других случаях это будет «историография». Причем это вовсе не значит, что представление об истории как о целесообразной деятельности человека следует принять в качестве базовой установки, задающей направление в толковании памяти и историографии. Марксу подобная коннотация потребовалась для дистанцирования от «предшествующего материализма», представлявшего историческую реальность «только в форме объекта», «не субъективно». И очень важно понимать, что «форма объекта» здесь – форма существования природного тела, или тела природы.

Историография и память. Прошлое и настоящее

Мадхаваном Палатом эти феномены демаркируются следующим образом: «Граница между историей и памятью проходит между прошлым и настоящим: история относится к далекому прошлому (даже

⁶ Маркс К. Капитал / К. Маркс, Ф. Энгельс Соч. Т. 23. – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 10.

⁷ Маркс К. Святое семейство / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – С. 102.

⁸ Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 16.

если это случилось вчера) постольку, поскольку она не воспринимается как настоящее; память – это прошлое, которое ощущается как вечное настоящее, несмотря на давность событий»⁹. Соглашаясь с тем, что соотношение и соотнесение категорий прошлого и настоящего имеет фундаментальное значение для анализа всего проблемного круга философии (методологии) истории, нельзя не отметить не менее фундаментального значения вопроса о «пограничных столбах».

В самом деле, прошлое оказывается таковым, поскольку мы его так воспринимаем, точно так же и настоящее есть производное от нашего восприятия. Но рассуждающий подобным образом попадает в лабиринт, из которого попавший туда не находит выхода вот уже на протяжении двух с половиной тысяч лет. Это Протагор: «Человек – мера всех вещей, существующих, что они существуют, несуществующих же, что они не существуют». Это, наконец, Кратил, считавший, что не следует ничего говорить, а только шевелил пальцем и упрекал Гераклита за то, что он сказал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Сам он считал, что нельзя и один раз. Отношение прошлого и настоящего полностью релятивизируется. После такой победы на поле исторической битвы приходят разного рода мародеры вроде фоменок.

Казалось бы, в упомянутый лабиринт попадал и Блаженный Августин. «Совершенно ясно теперь одно, – рассуждал он в «Исповеди», – ни будущего, ни прошлого нет, и неправильно говорить о существовании трех времен, прошедшего, настоящего и будущего. Правильнее было бы, пожалуй, говорить так: есть три времени – настоящее прошедшего, настоящее настоящего и на-

стоящее будущего. Некие три времени существуют в нашей душе, и нигде в другом месте я их не вижу: настоящее прошедшего это память; настоящее настоящего – его непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание... ни будущего нет, ни прошедшего» [X1, 20]. Тем не менее в нарушение, конечно, логики своих выкладок, Августин намечает и существенно иную трактовку категорий времени, прошлого и памяти. Время трактуется им и в объективном, субстанциональном смысле. Оно возникло, было сотворено вместе с миром, а значит, является его характеристикой, но не характеристикой человеческой психики, души, как ее идентифицировал Августин. Современный физик скажет, по сути, примерно то же: время возникло вместе с миром, оно, стало быть, принадлежит миру и поэтому в то время, когда не существовало Вселенной, не было никакого времени (Гейзенберг). Августину важно было найти ответ на ехидный вопрос скептиков: «что делал Бог до сотворения неба и земли?» Сочтя не вполне уместным отделаться шуткой: «приготавливая преисподнюю для тех, кто допытывается о высоком», он и говорил: «Если же раньше неба и земли вовсе не было времени, зачем спрашивать, что Ты делал тогда. Когда не было времени, не было и “тогда”».

Если же время есть объективная характеристика мира, «неба и земли» (атрибут, всеобщая форма бытия материи), тогда и прошлое приобретает статус объективного существования. Соответственно, Августин рассуждает о неисчислимых веках, «которые прошли и которые пройдут». Его финальный вывод: «Нельзя увидеть не существующее. И те, кто рассказывает о прошлом, не рассказывали бы о нем правдиво, если бы не видели его умственным взором,

⁹ Палат Махван К. – Указ соч. – С.57.

а ведь нельзя видеть то, чего вовсе нет. Следовательно, и будущее и прошлое существуют» [X1. 17].

Получается, если взглянуть на исповедальную прозу Блаженного с высоты птичьего полета чистого разума, увидим типично кантовскую антиномию: прошлое реально не существует, есть лишь настоящее прошлого (тезис); прошлое реально существует (антитезис).

И еще одна эпистемологическая колдобина. На ней спотыкаются те (а таких довольно много), кто определяет историографию как знание, науку о прошлом. Как отделить прошлое от настоящего: «Любая сегодняшняя газета рассказывает о *вчерашних* событиях, т. е. о прошлом, хотя читатели воспринимают свежую газетную информацию как рассказ о настоящем ... Биржевой маклер, оперирующий самой свежей информацией об изменениях валютных курсов, процентных ставок, котировок акций и т. д., будет крайне удивлен, если сказать ему, что он занимается изучением прошлого, хотя по сути так оно и есть»¹⁰.

Преодолеть обнаруживающуюся трясиину предлагается за счет двух соображений. Первое можно принимать во внимание, если, конечно, отсутствует чувство юмора. Историк, говорят, отличается от маклера тем, что анализ прошлого для первого служит материалом для написания статьи, для второго же — основанием для покупки ценных бумаг. Вспоминается анекдот советских времен: сами удивляемся, из одной бочки наливали. Второе соображение несколько более конструктивно. Прошлое отличается от настоящего тем, что

¹⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. История в системе социального знания // Способы постижения прошлого: Методология и теория исторической науки. — М.: «Канон+»; РООИ «Реабилитация», 2011. — С. 61.

«Другое»¹¹. Но ведь и ноутбук, на котором я сейчас пишу эту статью, во многих отношениях «другой». Значит, если я возьму в толк, что он «другой», тем самым идентифицирую его как феномен прошлого?

Чтобы получить искомое, следует содержательно конкретизировать понятие «другого». Это всегда — другие формы жизнедеятельности, представленные в виде стереотипов, или образцов, нежели те, которые определяют бытие историка. Их сопоставление дано непосредственному наблюдению, поэтому идентификация некоторого феномена как имеющего отношение к «прошлому» есть процедура чисто эмпирическая. Воспринимать прошлое как таковое невозможно ровно так же, как нельзя чувственно воспринимать общество как таковое или материю как таковую. Даже самый простой современный обыватель, к примеру, не затруднится отнести попавшуюся ему на глаза некоторую денежную купюру к советскому прошлому. Но купюру того же номинала десятилетней давности выпуска он будет считать вполне современной. Таким образом, с настоящим ассоциируются воспроизводимые относительно наблюдателя аспекты бытия, с прошлым — невоспроизводимые.

Поэтому прошлое и настоящее разграничивается достаточно отчетливо эмпирически. Представления о сугубой относительности их демаркации возникают в силу схлопывания представления о социальном времени с временем физическим. Однако то и другое время «течет» по-разному, различны и процедуры его определения (измерения). Еще Аристотель трактовал время как меру движения. В основе понятия времени лежит процедура измерения, то есть соотнесения некоторого движения с мер-

¹¹ Там же. — С. 62.

ником, движением, принятым за эталонное. Таковой измерительной системой являются в человеческом обществе часы. При этом отношение измерительной системы (часов) к измеряемому процессу не зависит от воли и сознания человека, а значит, является объективной характеристикой бытия. Физическое время абстрактно, оно характеризует любые изменения. Оно совершенно «равнодушно» к содержанию драмы человеческой истории. Пониманию физического времени является чуждым и представление о какой-либо его направленности.

Социальное (не физическое) время в качестве культурологического феномена начинает рефлексироваться лишь у Августина. Архангелский человек живет во вневременной вечности, «растянутой» в границах большого цикла. В шорах циклического видения действительности исторические события не кажутся происходящими в определенное время, в определенном месте и неповторимыми. Теряется чувство времени, временной дистанции между событиями. Применительно к данной ситуации Мирча Элиаде говорил о «мифе вечного возвращения». Круг вневременной вечности впервые размыкается у Августина, «ибо единожды умер Христос за грехи наши»; с этого момента начинается собственно история, появляется «стрела» исторического времени¹².

«Время истории, – писал Марк Блок, – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты»¹³. В частности, в этой среде плавают следы предшествующих состояний социальных систем, то, что историки назы-

вают «памятниками прошлого», «остатками прошлого». Их совокупность можно трактовать как естественно-историческую память социальной системы. В историографической практике данные феномены становятся средствами организации собственно культурной памяти, историческими источниками. Исторический памятник становится источником, средством познания, средством организации культурной памяти благодаря процедуре соотнесения его с моделью фрагмента прошлой реальности, то есть некоторого уже невозпроизводимого состояния социума.

Суть оговариваемой процедуры заключается в том, что испытуемый материал, имеющийся в распоряжении исследователя (некий артефакт), сопоставляется с феноменом, выполняющим функцию объекта-дифференциатора (эталона). Это объект, место которого в прошлой реальности достаточно точно определено. По совпадению характеристик испытуемого материала с характеристиками объекта-дифференциатора историограф делает вывод о месте данного феномена в прошлой реальности. Налицо, таким образом, исключительно эмпирическая процедура, дающая возможность своего рода наблюдения прошлого¹⁴. Часто повторяющаяся тривиальность: прошлого нет, его невозможно видеть, как и многие другие тривиальности, является ошибочной.

Наряду с формой памяти, представленной всей совокупностью исторических памятников, так сказать, вещественной памятью, в ходе социальной эволюции возникает тип знаковой памяти. Отсюда, однако, вовсе не следует, что любые формы знаковой ре-

¹² Антипов Г.А. Время истории // Идеи и идеалы. – 2011. – № 1(7), т. 1. – С. 49–50.

¹³ Блок М. Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок. – М.: Наука, 1973. – 232.

¹⁴ Антипов Г.А. Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 48–55.

альности, будь то даже в архаическом обществе, представляют собой формы памяти.

Эту оговорку хотелось бы акцентировать в связи с имеющими место в современном методологическом дискурсе попытками представить любые репрезентации прошлого как «знание» о прошлом, «историю» и более того – «науку о прошлом». Вот характерная иллюстрация: «Со времени античности термин “история” в значении знания использовался в самых разных смыслах. Но все же во всем этом многообразии смыслов всегда присутствовало, наряду со многими другими, понимание “истории” как чего-то вроде общественно-научного знания (точнее, прообраза того, что мы теперь называем общественным знанием). Начиная с эпохи эллинизма “историей” (когда более, когда менее отчетливо) обозначалось эмпирико-теоретическое знание о социальной реальности. Это эмпирико-теоретическое знание чаще всего переплеталось с философией, мифами/религией, искусством, моралью и т. д., но элементы общенаучного знания явно присутствовали в большинстве тех сочинений, которые именовались “историческими”, начиная с Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Ливия, Тацита и т. д.»¹⁵

Полагаю, представленная картина весьма далека от социокультурных реалий, которые она претендует отобразить. Понятийный ряд, выражаемый терминами «знание», «общественно-научное знание», «эмпирико-теоретическое знание», «философия» и т. п., здесь неуместен. Мой тезис в том, что базовой категорией в данном случае должно послужить понятие исторической памяти. Понятия «социальная», «культурная» будут выражать разные ее онтологические проекции.

¹⁵ Савельева И.М., Полетаев А.В. – Указ. соч. – С. 56–57.

Историческая память – форма коллективной памяти, но, конечно, не в том смысле, что социальная группа выступает как субъект воспоминаний. Сошлемся на ставшую классической интерпретацию исторической памяти Мориса Хальбвакса: «Существуют основания различать две памяти, одну из которых можно, если угодно, назвать внутренней, а другую – внешней, или же первую личной, а вторую социальной. Говоря точнее (с только что указанной точки зрения): автобиографическая память и историческая память. Первая использует вторую, поскольку, в конце концов, история нашей жизни является частью истории. Но вторая, естественно, шире первой. К тому же она представляет нам прошлое лишь в сокращенной и схематичной форме, в то время как память о нашей жизни представляет гораздо более непрерывную и густую картину»¹⁶. Субъектом памяти, по Хальбваксу, всегда является отдельный человек, но его память определяется организующими ее «рамками». Память живет и сохраняется в коммуникации.

Существенное значение приобретает вопрос о статусе существования исторической памяти: какова природа того мира, в котором «живет» историческая память. Актуализация данного вопроса обусловлена еще и тем, что тема «исторической памяти», «истории как искусства памяти»¹⁷ стала, по сути, мейнстримом современной историографии.

Уже Хальбвакс рассматривал историческую память как относительно самостоятельную реальность: «Она развивается по

¹⁶ Хальбвакс Морис. Коллективная и историческая память. URL: <http://magazines.russ/ru/nz2005/2/ha2.html>

¹⁷ Хаттон Патрик Х. История как искусство памяти: пер. с англ. – СПб.: Владимир Даль, 2003.

собственным законам, и даже если иногда в нее проникают и некоторые индивидуальные воспоминания, они видоизменяются, как только помещаются в целое, которое уже не является созданием личности»¹⁸. То, как он трактует способ существования исторической памяти, очень напоминает достаточно авторитетные в современной эпистемологии концепции. Прежде всего, попперовскую концепцию «третьего мира». В его доктрине различаются, во-первых, мир физических объектов или физических состояний; во-вторых, мир состояний сознания, мыслительных (ментальных) состояний и, возможно, диспозиций к действию; в-третьих, мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей, поэтических мыслей и произведений искусства. Поппер подчеркивал, что «третий мир в значительной степени *автономен*, хотя мы постоянно воздействуем на него и подвергаемся воздействию с его стороны. Он является автономным, несмотря на то что он есть продукт нашей деятельности и обладает сильным обратным воздействием на нас, т. е. воздействием на нас как жителей второго и даже первого миров»¹⁹. Обитателями «третьего мира» являются теоретические системы, проблемы и критические рассуждения; сюда же относятся и содержание журналов, книг и библиотек. Процесс развития научных теорий происходит в «третьем мире» и имеет собственную логику развития. Достаточно близкую онтологическую трактовку коммуникаций можно обнаружить у Н. Лумана, где тоже присутствует определенная автономная «логика», осуществляющая как бы несо-

знательную переработку содержаний коммуникаций.

Представления этого рода по существу можно соотнести с кантовским трансцендентальным субъектом. Генерируются данные конструкты рефлексией над формами культуры, в которые мы, говоря словами Дюркгейма, «вынуждены отливать наши действия». Историческая память и является такой формой, почему и выглядит «первичной» по отношению к индивидуальному сознанию. Вообще культуру, социальность тоже можно трактовать как объективную реальность, объективную реальность второго рода, если материя – объективная реальность первого рода. Коллектив, этот трансцендентальный субъект, конечно, не «обладает» памятью, но обуславливает память своих членов.

Мемориальная практика. Нарратив

«Геродот из Галикарнаса, – свидетельствовал поименовавший себя автор, – собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». Этого автора в последующие эпохи стали почитать как «отца истории». Сейчас часто «историю» по Геродоту вербализуют как «историческую науку». Думается, что здесь мы сталкиваемся с одной из ряда ключевых аббераций, присущих современной методологии истории в целом.

Ведь наука, какие бы дефиниции мы ей не давали, апеллирует к знанию, гениальный же грек совершенно откровенно апеллирует к памяти. Он хочет, чтобы современники не забыли определенные события,

¹⁸ Хальбвакс Морис. – Указ. соч.

¹⁹ Поппер К. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – С. 446.

и осуществляет определенные действия для осуществления поставленной цели. По всему – это не познавательная деятельность, тем более в формах научного познания, а совокупность акций, наиболее точной идентификацией которых может послужить понятие «мемориальной практики».

Не могу отказать себе в удовольствии привести в связи с этим поэтические строки Ф. Ницше: «Погляди на стадо, которое пасется около тебя: оно не знает, что такое вчера, что такое сегодня, оно скачет, жуёт траву, отдыхает, переваривает пищу, снова скачет, и так с утра до ночи и изо дня в день, тесно привязанное в своей радости и в своем страдании к столбу мгновения и потому не зная ни меланхолии, ни пресыщения. Зрелище это для человека очень тягостно, так как он гордится перед животным тем, что он человек, и в то же время ревнивым оком смотрит на его счастье – ибо он, подобно животному, желает только одного: жить, не зная ни пресыщения, ни боли, но стремится к этому безуспешно, ибо желает он этого не так, как животное. Человек может, пожалуй, спросить животное: “Почему ты мне ничего не говоришь о твоём счастье, а только смотришь на меня?” Животное не прочь ответить и сказать: “Это происходит потому, что я сейчас же забываю то, что хочу сказать”, – но тут же оно забывает и этот ответ и молчит, что немало удивляет человека. Но человек удивляется также и самому себе, тому, что он не может научиться забвению и что он навсегда прикован к прошлому; как бы далеко и как бы быстро он ни бежал, цепь бежит вместе с ним»²⁰.

²⁰ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. – Минск: Харвест, 2003. – С. 6–7.

Так говорил Ницше в эссе «О пользе и вреде истории для жизни». Примечательно оно, прежде всего, тем, что при вводящем, конечно, в заблуждение слове «история» Ницше *de facto* трактует мемориальную практику, продуктом которой являются формы памяти. Смысл всех рассуждений автора Заратустры: какой следует быть исторической памяти (истории/памяти), чтобы служить жизни, а не уничтожать ее. По мнению Ницше, «жизнь нуждается в услугах истории, это должно быть понятно с той же ясностью, как и другое положение, которое будет доказано дальше, а именно: что избыток истории вредит жизни. История принадлежит живущему в тройном отношении: как существу деятельному и стремящемуся, как существу страдающему и нуждающемуся в освобождении. Этой тройственности отношений соответствует тройственность родов истории, поскольку можно различать монументальный, антикварный и критический род истории»²¹.

«Избыток истории вредит жизни», – как это понимать? У русского художника второй половины XIX века есть картина – «Все в прошлом». Она изображает сцену в старом поместье с заколоченным барским домом, пережившим некогда лучшие времена, а теперь лишь напоминающем о них бывшей владелице, переехавшей в крестьянский домик служанки или приживалки. Величественная старая дама в кресле вся погружена в воспоминания. Старый пес у ее ног тоже погружен в дремоту, ему некогда охранять, для него тоже все позади.

Избыток истории – это обернутость ментальной перспективы в прошлое, его акцентуация в ущерб будущему, необходимости постоянного преодоления *status quo*, когда доминантой становится не актуаль-

²¹ Там же. – С. 18.

ная, а мемориальная практика. То же самое можно выразить и словами Маркса: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых». Ницше же толкует о жизни как об «известном ремесле», которому нужно учиться и постоянно в нем упражняться. Необходимым составляющим этого ремесла должно стать «учение о гигиене жизни», одно из положений которого гласило бы: «неисторическое и надисторическое должны считаться естественными противоядиями против исторической болезни»²².

Ф. Ницше, как можно увидеть, постоянно ставит в отношении тождества понятия памяти, истории и науки, впрочем, иногда саркастически отзываясь об «идолопоклонстве перед фактом», о том, что «факт всегда глуп и во все времена походил скорее на тельца, чем на Бога». Последнее, однако, не меняет сути дела. До сих пор эта путаница в философии и методологии истории остается камнем преткновения, о который спотыкаются большинство разворачиваемых здесь интерпретаций.

По моему мнению, основной презумпцией методологической рефлексии должно стать различие мемориальной практики и исторического познания и, соответственно, их продуктов. Продуктом мемориальной практики с момента ее зарождения становится нарратив, продуктом исторического познания – историческое знание.

В плане нашей аргументации достаточно воспользоваться стандартными характеристиками представления как формы сознания. Чаще всего говорится, что это чувственно наглядный образ предметов и явлений действительности, сохраняемый и воспроизводимый в сознании без непосредственного воздействия самих предметов и

явлений на органы чувств. В случае представления предмет мышления удается как бы поставить перед собой как нечто воспринимаемое. Причем, если восприятие относится только к настоящему, то представление одновременно относится и к настоящему, и к прошлому, и к будущему. Вполне достаточным представляется толкование его в качестве результата воображения, а воображения – как процесса переработки материала восприятий и представлений, полученных в предшествующем опыте.

По своему эпистемологическому статусу нарратив есть *представление*. Именно за счет свойств, присущих этой форме сознания, «история» оказывается способной, говоря словами Ницше, служить «не чистому познанию, но жизни». И едва ли будут адекватно восприняты забойные слова французского поэта-академика Поля Валерии. «История, – писал он, – это самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта. Ее свойства хорошо известны. Она заставляет мечтать, она опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания, растравляет их старые раны, мучает их во время отдыха, вызывает у них манию величия и манию преследования и делает нации желчными, высокомерными, нетерпимыми и тщеславными. История оправдывает все, что угодно. Она не учит абсолютно ничему, ибо содержит в себе все и дает примеры всего»²³. Не грех будет подверстать сюда и слова из старого русского романа: «Как жажду средь мрачных равнин / Измену забыть и любовь, / Но память, мой злой властелин, / Все будит минувшее вновь». И историческая (история/память), и биографическая память способны, как можно

²³ Цит. по: Кон И.С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. – М., 1959. – С. 23.

²² Там же. – С. 114.

видеть, инициировать достаточно сильные чувства. Ничего подобного нельзя, конечно, сказать о научном историческом знании.

Ницше интуитивно демаркировал эти ментальные формы. А вот профессиональная методологическая мысль ничего подобного до сих пор не делает. Правда, неокантианцы баденской школы различали номотетические и идеографические дисциплины, но и те и другие прокламировались ими как виды научного знания. Более того, Г. Риккерт видел свою миссию в обосновании «научности» историографии. Он писал: «Признание за историей научного характера означало бы потрясение основных натуралистических понятий. Ибо, при последовательности в мышлении, там, где действительность отождествляется с природой, для истории нет места»²⁴. Историография, будучи по своей гносеологической сущности наукой, кардинально отлична от естественно-научных дисциплин – таково главное утверждение Риккерта. Я же полагаю, что гносеологический хабитус историографии, представленной нарративом, есть вид практики, а не научного познания. Понятие искусства памяти здесь гораздо ближе к сути дела.

Существует расхожее мнение, что вообще история сродни искусству. Это как бы синтез теоретического и художественно-образного мышления. Фигурирует даже утверждение об «эстетическом повороте» в исторической науке. Определяют ее, мы видели, и как «искусство памяти». Сюда же ложатся входящие в моду суждения, трактующие историографию активным конструированием прошлой социальной реальности. Говорят, что «любое знание о прошлой социальной реальности конструирует эту реальность».

²⁴ Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. – СПб., 1908. – С. 20.

Все эти достаточно отдаленные сопоставления и ассоциации могут приобрести внятный смысл лишь в случае обращения к исходному античному значению понятия «искусство». У греков – это *techné*, мастерство, умение. По Аристотелю, это область творческой философии, куда он зачислял поэзию, медицину, ваяние, портновское ремесло, драматургию. Творческие науки, согласно Стагириту, направлены на создание чего-либо ранее не существовавшего, что приносит либо пользу, либо наслаждение. Показательным образом Аристотель отличает данную область от двух других, исчерпывающих его классификацию философствования (знания и познания). Так, теоретические «науки» имеют своей целью «знание и понимание ради самого знания и понимания, т. е. истину и ничего более. Добавим в скобках, что Аристотель – основоположник корреспондентской теории истины, трактующей ее критерий в соответствии знания вещам. Именно этот тип истин присущ эмпирическим наукам. Наряду с теоретической философией он говорит о «практической», имеющей своей целью действие. Таковы этика и политика. Цель первой – достижение справедливости, а политики – добиваться от граждан повиновения властям и законам.

Итак, нарратив – форма существования в культуре исторической памяти. Нарратив, так сказать, «ячейка» этой памяти. Причем, не следует воспринимать его исключительно в исходном смысле слова как «рассказ», «повествование». Уже у античных греков появляются поэтические и драматические произведения, сюжеты которых представляли определенные исторические события. Один из первых трагиков (первым традиция считает Феспида, поставившего свою трагедию в 534 г.

до н. э.) Фриних вскоре после разрушения Милета персами поставил трагедию «Взятие Милета», а после победы над персами при Саламине – трагедию «Финикиянки», в которой прославлялся Фемистокл. Трагедия Эсхила «Персы» написана на актуальный исторический сюжет, отражает торжество афинян, одержавших историческую победу в борьбе против Персии, и содержит подробное описание Саламинского сражения. В современной культуре эту нишу занимают многочисленные «исторические фильмы». И тот же Аристотель в свое время совершенно отчетливо определил специфическую особенность данных форм творчества: «Задача поэта – говорить не о том, что было, а о том, что могло бы быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости. Ибо историк и поэт различаются не тем, что один пишет стихами, а другой прозой (ведь и Геродота можно переложить в стихи, но сочинение его все равно останется историей, в стихах ли, в прозе ли), – нет, различаются они тем, что один говорит о том, что было, а другой – о том, что могло бы быть»²⁵.

Детальную разработку правила создания нарратива, основания для выведения которых давал тезис Стагирита, получили через половину тысячелетия спустя, в Позднюю Античность, у Лукиана из Самосаты в трактате «Как следует писать историю». У него, в частности, находим: «Вообще надо считать, что историк должен походить на Фидия и Праксителя или Алкамена, или на кого-либо другого из художников, так как они не создавали золота или серебра, или слоновой кости, или другого материала: он уже существовал и имелся на-

лицо, добываемый элейцами и афинянами или аргивянами. Художники же только ваяли, пилили слоновую кость, обтачивали ее, склеивали, и придавали соразмерный вид, и украшали золотом. Искусство состояло в том, чтобы должным образом использовать материал. Такова приблизительно и задача историка: хорошо распределить события и возможно более отчетливо их передать. Если кому-нибудь из слушателей покажется после этого, что перед его глазами проходит все, о чем говорится, и за это он похвалит историка, тогда, значит, действительно историк хорошо выполнил труд Фидия и получил похвалу по заслугам»²⁶.

Историк и художник имеют дело с материалом (вещи–знаки), которому нужно придать некоторые свойства. Это – *techné*. Но, во-первых, произведение художника ориентировано, как правило, на восприятие, историка – на представление. Во-вторых, критерием (идеалом) историка выступает истина, для художника – прекрасное. Конечно, и к нарративу может применяться данная оценка, но лишь во вторую очередь. Из нескольких рассуждений на этот счет Лукиана приведем такое: «Подобно тому, как главным для направления мыслей историка мы считаем искренность и правдолюбие, так для его изложения единственной и первой задачей является: ясно выразить и как можно нагляднее описать события, не пользуясь непонятными и непотребительными, не будничными и вульгарными словами, но такими, чтобы все понимали их, а образованные – хвалили. Изложение может быть украшено фигурами, а особенно такими, которые не носят на себе отпечатка искусственности, и в такой степени, чтобы они не надоедали; благодаря

²⁵ Аристотель. Соч.: в 4 т. – М., 1984. – Т. 4. – С. 665.

²⁶ Лукиан. Избранное. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 503.

им речь делается похожей на хорошо приготовленное блюдо»²⁷.

Таковы основные характеристики мемориальной практики, критерии, предъявляемые ее результатам – нарративам. До сих пор в методологии присутствует существенная некорректность, заключающаяся в интерпретации нарратива как формы научного знания и, соответственно, отождествлении мемориальной практики с наукой *suī generis*. Между прочим, здесь кроется причина придуманного неокантианцами особого класса историографических наук и противопоставления по данному основанию «наук о природе» «наукам о культуре». С логической точки зрения подобное следует расценить как *contradiction in adjecto*.

Как возможна научная история?

Итак, есть все основания не доверять распространенному определению истории как «науки о прошлой социальной реальности». Во-первых, потому что феномен, именуемый в подобных случаях словом «история», на самом деле, представляет собой род практики, это – мемориальная практика. Показательно использование теми, кто трактует историю наукой о прошлом, выражений типа «конструирование прошлой социальной реальности». Во-вторых, всякая наука делает своим предметом познания лишь некоторые аспекты (свойства) реальности, в чем бы та не заключалась. Но «прошлое», очевидно, не есть «свойство» в аутентичном смысле. Такое специфическое для научных форм исторического знания свойство социальной реальности действительно фиксируется, однако вне пределов традиционной идентификации историографии. Это

свойство социальной реальности к изменениям, гераклитовское *panta rhei*.

Как и вообще наука, формы научной истории в своем возникновении связаны с практикой, в нашем случае – мемориальной. Но очень опосредованно. У истоков этого большого пути стоит Августин Блаженный. У него впервые появляется представление о линейном характере потока времени, преодолевающее «миф о вечном возвращении», господствовавший в культуре до этого. Появляются такие реалии, как общество (состоящее из индивидов), прошедшие века, эпохи (зоны), сменяющие друг друга помимо свободной воли человека, тем самым независимо от функционирования индивидуальной памяти, то есть объективно. Гарантом объективности и реальности исторического времени, понятно, у Блаженного выступает Бог.

Объяснение генезису данной историософской схемы следует искать в потребностях организации, «сжатии» исторической памяти. Историческую память всего человечества, а идею его единства выдвигало христианство, вместить в одну, отдельно взятую человеческую голову, очевидно, невозможно. В дальнейшем августинов «краткий курс истории человечества» стал образцом, имея в виду его эпистемологические основания, для целой череды европейских Любомудров, завершаемой Гегелем, Марксом, Тойнби и их эпигонами вроде Фукуямы. Суть прежде всего в том, что подобные ментальные конструкции выражают определенные аспекты функционирования исторической памяти, связаны с ее эволюцией, а не с контекстами формирования исторической науки в собственном смысле. По отношению к научной истории они могут занимать место, говоря словами Т. Куна, «метафизических

²⁷ Там же. – С. 501.

частей парадигмы», или, в других традициях, «картины мира». Кун писал: «Едва ли любое эффективное исследование может быть начато прежде, чем научное сообщество решит, что располагает обоснованными ответами на вопросы, подобные следующим: каковы фундаментальные сущности, из которых состоит универсум? Как они взаимодействуют друг с другом и с органами чувств? Какие вопросы ученый имеет право ставить в отношении таких сущностей и какие методы могут быть использованы для их решения? По крайней мере, в развитых науках ответы (или то, что полностью заменяет их) на вопросы, подобные этим, прочно закладываются в процессе обучения, которое готовит студентов к профессиональной деятельности и дает право участвовать в ней. Рамки этого обучения строги и жестки, и поэтому ответы на указанные вопросы оставляют глубокий отпечаток на научном мышлении индивидуума»²⁸.

В целом метафизическая модель исторического мира, нарисованная Блаженным, конечно, не соответствует, за исключением некоторых аспектов (изменения) требованиям научного познания, научной истории. Ее адресат – массовое сознание. Значимость такого рода ментальных конструкций очень рельефно констатировал Роберт Нисбет: «Ничто не дает большей значимости или доверия к той или иной моральной или политической ценности, чем вера в то, что она не только является или должна быть предметом заботы, но и в то, что это важнейший элемент исторического движения из прошлого через настоящее в будущее. Такая ценность может быть затем переведена из

разряда просто желаемой в исторически необходимую»²⁹.

Первый, кто попытался сформировать научную исследовательскую программу в историографии, был Иммануил Кант. Наряду с вопросами: «как возможна чистая математика?», «как возможно чистое естествознание?» он пытается дать решение подобного вопроса применительно к историографии. В статье «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» Кант писал: «Какие бы понятия мы ни составили себе с метафизической точки зрения о *свободе воли*, необходимо, однако, признать, что *проявления* воли, человеческие поступки, подобно всякому явлению природы, определяются общими законами природы. История, занимающаяся изучением этих явлений, как бы глубоко ни были скрыты их причины, позволяет думать, что если бы она рассматривала действия свободы человеческой воли *в совокупности*, то могла бы открыть ее закономерный ход, и то, что представляется запутанным и не поддающимся правилу у отдельных людей, можно было бы признать по отношению ко всему роду человеческому как неизменно поступательное, хотя и медленное, развитие его первичных задатков. Так, браки, обусловленные ими рождения и смерти, на которые свободная воля человека имеет столь большое влияние, кажутся не подчиненными никакому правилу, на основании которого можно было бы наперед математически определить их число. Между тем ежегодные данные о них в больших странах показывают, что они также происходят согласно постоянным законам природы, как те столь изменчивые колебания погоды, которые в единичных случаях нельзя заранее определить, но которые в

²⁸ Кун Т. Структура научных революций: пер. с англ. – М.: Прогресс, 1975. – С. 20–21.

²⁹ Нисбет Роберт. Прогресс: история идеи. – М.: ИРИСЭН, 2007. – С. 33.

общем непрерывно и равномерно поддерживают произрастание злаков, течение рек и другие устроения природы»³⁰.

Если обратиться к определениям предмета демографии в современных учебниках, можно увидеть практически полное совпадение с версией Канта: предметом демографии является воспроизводство населения, т. е. процесс непрерывного возобновления его численности и структур через смену поколений, через процессы рождаемости и смертности. Причем для Канта – это историческая наука, история. Как и положено, как и во всякой науке, целью здесь является открытие законов исследуемой области реальности. Не мемориальная практика и нарратив в качестве ее продукта. Изменение социальной реальности и законы ее изменений. Правда, законы трактуются сугубо натуралистически, законы народонаселения суть законы природы.

Метафизической моделью в кантовском проекте научной истории выступает его небулярная гипотеза, изложенная во «Всеобщей естественной истории и теории неба». По оценке Ф. Энгельса, этой гипотезой «впервые было поколеблено представление, будто природа не имеет никакой истории во времени». Однако трактовка истории и ее законов в случае Канта содержала один принципиальный изъян относительно требований научной рациональности. Кант рассуждал: «Отдельные люди и даже целые народы мало думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы, как за путеводной нитью, и содействуют достижению этой цели, которой, даже

если бы она стала им известна, они бы мало интересовались»³¹.

Налицо очевидный рецидив телеологии, концепции целесообразной причинности, по Аристотелю. Хорошо известно, однако, что целевые причины («ради чего») совершенно чужды мировоззрению уже науки нового времени. «Глубоко укоренившимся убеждением в науке нового времени, – говорит исследователь античного естествознания И.Д. Рожанский, – является положение о том, что “природа не знает целей”. Это положение утвердилось в результате победы механистического детерминизма над аристотелианско-схоластическим мировоззрением, господствовавшим в средневековой науке»³². Очевидно, уже закон инерции Галилея контрастен телеологической «физике», как и телеология в целом исключается фундаментальным для науки представлением о естественных, не зависящих ни от человека, ни от бога механизмах, определяющих ход протекающих в Космосе процессов. Причины «ради чего» суть проявления антропоморфизма, характерной черты мифологического мышления. Введение их в физику так или иначе ведет к Богу. И в этом нет ничего плохого, пока налицо четкое различие теологической и научной картин мира. Заметим, что применительно к органическому миру уже Дарвин вполне отчетливо отрицал идею целесообразной направленности биологического развития.

Следующий видимый шаг на пути к истории как науке был сделан К. Марксом. С этой точки зрения очень характерно следующее замечание из раннего Маркса, в котором уже заложен основной вектор

³⁰ Кант И. Сочинения: в 6 т. – М., 1964. – Т. 6. – С. 7.

³¹ Там же. – С. 7–8.

³² Рожанский И.Д. Развитие естествознания в эпоху античности. – М.: Наука, 1979. – С. 420.

его дальнейших теоретических поисков: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей. Однако обе эти стороны неразрывно связаны; до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга. История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; историей же людей нам придется заняться, так как почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее. Сама идеология есть только одна из сторон этой истории»³³.

Однако уже вскоре (выше мы это бегло затрагивали) Маркс все-таки обратился к «истории природы»: истории Земли и истории жизни на Земле. Образцами для конструирования онтологических моделей для него послужили работы Чарльза Лайеля: «Элементы геологии – история земной коры», «Основные начала геологии – деятельность современных агентов» («Основы геологии») и «Происхождение видов» Чарльза Дарвина. Соответственно, «история людей» приобретала вид смены формаций, агентами которой становились классы в их борьбе «за существование». Совершенно очевидно, что из геологии заимствован и принцип актуализма. Сам Маркс проговаривался (почти по Фрейдю) на этот счет: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная

экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д.»³⁴

Тем не менее всюду речь идет не о самом здании возможной научной истории, а лишь о крыше этого здания. В отличие от архитекторов, как-то заметил Маркс, наука возводит отдельные жилые этажи здания, прежде чем заложить его фундамент. Само здание научной истории, правда, в достаточно фрагментарном виде, где на месте отдельных этажей торчат еще стропила и леса, представлено «Капиталом». Но задача исследования («конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения [выделено Г.А.] современного общества») сформулирована вполне адекватно парадигме всякой научной истории. «Всякой» потому, что единой исторической науки быть не может. Научная история в принципе может быть представлена целым спектром дисциплин, подобно тому как, допустим, дело обстоит в биологии или физике. Да и в «Капитале» подобное уже имеет место. Помимо экономической истории там обнаруживаются, хотя бы фрагментарно, история науки, история техники, история классов, история денег и т. д., не говоря уже о присутствии макро- и микроуровней анализа.

В более тесном смысле слова научная экономическая история представлена сейчас исследованиями лауреата Нобелевской премии по экономике 1993 года Дугласа Норта. Премия была дана «за возрождение исследований в области экономической истории, благодаря приложению к ним экономической теории и количественных методов, позволяющих

³³ Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3. – С. 16.

³⁴ Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 12. – С. 731.

объяснить экономические и институциональные изменения».

Подобным же образом, как исследование функционирования социальных систем во времени, все больше осознает себя и социология, становясь тем самым методологически неразличимой с историей³⁵. Специфическая особенность научного историко-социологического исследования заключается только в том, что его эмпирической репрезентацией является не сама социальная реальность, а то, как она репрезентирована в памяти социальной системы. «Ячейки» этой памяти, конечно, не нарративы, а то, что историки называют историческими памятниками («следы», «остатки прошлого»). Осуществляя определенные познавательные процедуры, ученый-историк превращает исторический памятник в средство своего исследования, своего рода прибор – исторический источник. Он выполняет ту же функцию, что и, скажем, анкета для собственно социолога. Теоретические же модели того и другого исследователей вполне тождественны.

В представленной картине, однако, явно просматривается определенный пропуск, зияет некое пустое место. В своей нобелевской лекции «Функционирование экономики во времени» Дуглас Норт, в частности, говорил: «Институты задают структуру стимулов, действующих в обществе, поэтому политические и экономические институты определяют собой характер функционирования экономики. Время же, применительно к развитию экономики и общества, – это особое измерение, процесс человеческого познания, обуславливающий эволюцию институтов. Мировос-

приятие отдельных людей, групп и сообществ, обуславливающие их выбор, является итогом такого познания, протекающего во времени. Речь при этом идет не о жизни одного человека, поколения и общества, а о длительном процессе накопления опыта, передаваемого из поколения в поколение через культуру и воплощаемого в отдельных индивидуумах, группах и обществах»³⁶.

Есть основания особо акцентировать последнее, а именно аспект преемственности и воспроизводства форм социальности в смене поколений. Иными словами, речь может идти о социальной наследственности и факторах ее определяющих, своего рода аналоге генетики. Тогда, эксплицировав коды и программы, управляющие социальной преемственностью, можно было бы понимать определенные тренды в общем контексте социальной эволюции. Сам Норт ставит показательный вопрос: «Институционально-когнитивный анализ должен объяснить один из интереснейших законов истории: феномен зависимости от предыдущей траектории развития (path dependence). Почему экономики, встав однажды на путь роста или стагнации, продолжают по нему двигаться?» Как он констатирует, здесь мало что известно. Исследование подобных феноменов требует, конечно, конституирования специальной научной исследовательской программы (парадигмы). Область таких исследований, назовем ее антропоэкономикой, по общей логике эволюции науки может стать ассоциированной с другими отраслями научной истории дисциплиной.

³⁵ Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996.

³⁶ Дуглас Норт. Функционирование экономики во времени. URL: www.strana-oz.ru/?numid=21&artide=981.

Литература

- Антипов Г.А.* Историческое прошлое и пути его познания. – Новосибирск: Наука, 1987. – 243 с.
- Антипов Г.А.* Время истории // Идеи и идеалы. – 2011. – № 1(7) – Т. 1. – С. 4–56.
- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 236 с.
- Аристотель.* Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – Т. 4. – 830 с.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. – М.: Мир книги: Литература, 2007. – 464 с.
- Кант И.* Сочинения: в 6 т. – М., 1964. – Т. 6. – 743 с.
- Кон И.С.* Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. – М.: СОЦЭГГИЗ, 1959. – 404 с.
- Кун Т.* Структура научных революций: пер. с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесловие С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
- Лукиан.* Избранное. – М.: Худ. лит., 1987. – 624 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство // Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2.
- Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов) / Маркс К. Капитал // Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 23. – 918 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Сочинения. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 3.
- Нисбет Р.* Прогресс: история идеи / Р. Нисбет. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 557 с.
- Ницше Ф.* О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. – Минск: Харвест, 2003. – 384 с.
- Сочинения.* – М.: Госполитиздат, 1958. – Т. 12.
- Палат Мадхаван К.* История и память // Идеи и идеалы. – 2011. – № 4(10) – С. 59–69; 2012. – № 1(11). – Т. 1. – С. 72–81.
- Поппер К.* Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* История в системе социального знания. Способы постижения прошлого // Методология и теория исторической науки. – М.: Канон-плюс, 2011. – С. 50–84.
- Риккерт Г.* Границы естественно-научного образования понятий. – СПб., 1908.
- Рожанский П.Д.* Развитие естествознания в эпоху Античности. – М.: Наука, 1979. – 420 с.
- Хаттон Патрик Х.* История как искусство памяти: пер. с англ. В.Ю. Быстрова. — СПб.: Фонд «Университет»: Владимир Даль, 2003. – 422 с.
- Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
- Дуглас Норт.* Функционирование экономики во времени [Электронный ресурс]. – URL: www.strana-oz.ru/?numid=21&artide=981
- Хальбвакс Морис.* Коллективная и историческая память [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz2005/2/ha2.html>